

В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

Я хотел бы начать со слов самого Эдуарда Дмитриевича: *«Люди обычно не отдают себе отчета, или мало задумываются о том, что их действия – исторические. Это, впрочем, совсем не главное. Главное – действовать. И хоть изредка, но осознавать себя в потоке Истории».*

Историку это чувство особенно знакомо – вот ты приходишь в архив, раскрываешь папку с пожелтевшими документами, воспоминаниями, иногда – засохшим как в гербарии пригласительным билетом на какой-нибудь концерт, проходивший под Рождество 1915 года. Сохранившийся трамвайный билет, старое детское фото, письмо с театра военных действий. Газеты того времени, заметка о назначении нового министра народного образования, жаркий спор о реформе... – и тебя охватывает это странное чувство, как будто они все *живые*, и чем дальше, тем явственнее ты начинаешь различать лица, слышать голоса и ощущать такой мощный напор некогда существовавшей жизни, испытывать *поток истории*...

Днепров, как историк, полжизни провел в архивах Ленинграда-Петербурга и, конечно же, не раз испытывал это чувство. История была его любимым профессиональным делом, причем русская история. А это довольно тяжелая капризная дама. Недавно вычитал у одного из самых глубоких современных фи-

лософов Михаила Эпштейна мысль о том, что история России похожа на шарнир, на который нанизываются, сменяя друг друга, совершенно разные общественные устройства, она как бы пробует примерить на себя разные модели и легко переходит от революции к террористическому государству, от коммунизма к капитализму, от капитализму – к фашизму... Доходит до края пропасти, отшатывается и идет в другую сторону – опять до края...

И история российского образования не исключение. «Крупные фундаментальные образовательные реформы, – заметил Днепров, – часто происходят в периоды общественного подъема», и даже готовят его. Но не менее часто, заметим от себя, всплеск интереса к образованию, глубокие школьные реформы происходят накануне социальных потрясений и катаклизмов. Тому множество примеров: реформа министра И.И. Толстого, начавшаяся с требований о самоуправлении, академических свобод университета, – 1905 год. Реформа министра графа П.Н. Игнатьева, от народного детского сада до университета, удивительная реформа, в которой участвовали все слои общества, – началась в разгар Первой мировой и оборвалась у черты 1917 года.

В гражданскую войну школьные реформы проводил не только красный Наркомпрос, но и белые министерства просвещения Юденича, Деникина, Колчака, Врангеля. Даже зеле-

ные – в Гуляй-поле батька Махно собрал народных учителей! За пять дней до падения Перекопа учителя, методисты, профессора в правительстве Врангеля с жаром обсуждали, спорили, сколько часов надо на математику, а сколько на историю...

Днепров знал об этих исторических фактах, мы разговаривали с ним. Он знал и сам писал о бесконечной череде коротких, всегда коротких образовательных реформ и тягуче длинных, захватывающих всю историю контр-и-псевдореформах, череде с завидным упорством сменяющих друг друга министров-новаторов и реакционеров, консерваторов.

Но тогда, думаю я, сколько же нужно иметь не только человеческого мужества, но глубокого исторического сознания, какого-то другого взгляда на всю эту странную картинку, чтобы несмотря ни на что решиться – и еще раз попробовать!

«То, что Россия долгое время «беременна» реваншем, - говорит Днепров, – отнюдь не «закон маятника», не историческая закономерность реформ. Это прямой результат стратегического и нравственного просчета «реформаторов всех созывов». Оторванности, отчужденности власти от страны. И ответного презрения населения... «История не знает альтернатив, – продолжает он. – Но альтернативы знает политика, делающая историю».

Часто говорят и удивляются тому, как и почему историк педагогики Эдуард Днепров стал министром, политиком. Сам он прекрасно отдавал себе отчет, почему. *«Эти две профессии, два рода занятий, – писал он, – схожи более чем все другие. Они имеют одну природу. Цель первой – познание закономерностей исторического развития. Цель второй – выбор оптимальной системы действий в рамках этих закономерностей».*

Или по-другому. *«Известная и часто повторяющаяся мысль, что история – это политика, опрокинутая в прошлое, имеет и свой оборот: политика – это сотворение современной и будущей истории».*

Днепров начинал как историк. У него была прекрасная школа, не только военно-морская – научная школа знаменитых историков: академиков Дружинина и Нечкиной, профессоров Предтеченского и Зайончковского... В среде историков педагогики больших историков было принято называть «гражданскими», и я думаю, что Днепров изначально сформировался как гражданский историк – в изначальном, прямом смысле этого слова. Его первая диссертация была посвящена российским, в том числе образовательным реформам и общественно-педагогическому движению поры «великих реформ» середины XIX столетия. Позднее Днепров напишет, что это была самая успешная и длительная по своим последствиям реформа обра-

зования в истории России. Эта реформа, проходившая после отмены крепостного права, в период «оттепели» девятнадцатого века, была, как всегда, короткой. И проводивший ее министр народного просвещения, сын, кстати, известного морского исследователя, писателя, адмирала – маленький сутулый человек, статс-секретарь А.В. Головнин, единственный из членов правительства не носил министерского фрака, даже не заводил визитных карточек, понимая, очевидно, что это ненадолго. Но кое-что за отведенные ему четыре с половиной года (пятьдесят два месяца, как он сам высчитал) успел: создал условия для открытия первых народных школ и земского образования, добился того, что государственные расходы на образование выросли вдвое и стали, пусть ненадолго, самыми крупными в Европе. Обеспечил автономию и поддержку университетов. Сто двадцать одаренных молодых людей, кандидатов на разные кафедры, были отправлены учиться за границу, и через десять-пятнадцать лет, уже в другую контрреформаторскую эпоху загорелось созвездие имен – Менделеев, Мечников, Тимирязев, Ключевский...

Спустя сто с лишним лет историк и министр Днепров будет считать эту реформу самой успешной, и одну из главных причин успеха он будет видеть в активной поддержке общества, всех его социальных слоев. Он и в своей «четвертой реформе», как он ее назвал, опирался, во всяком случае, на пер-

вых порах, на эту поддержку – учителей, родителей, ученых, управленцев, журналистов, деятелей культуры, регионов России, инновационного и общественно-педагогического движения...

Вообще, то, что Днепров раскрывал в своих историко-педагогических трудах, то, что его больше всего волновало в науке-истории, он использовал, когда стал руководителем ВНИКа школа(очень, кстати, похожего на тот коллектив, которым руководил будущий министр Головнин накануне великих реформ, в конце 50-х гг. XIX века – работая в Морском, самом передовом в то время в России ведомстве). И Днепров проецировал исторические закономерности в стратегию ВНИКа, и когда стал политиком, министром, реформатором образования. Этими основными темами, фундаментальными проблемами, которые решал в теории и практике историк-министр Э.Д.Днепров, как верно отметил в предисловии к его трудам академик А.В.Петровский, *являлись образовательная политика, общественно-педагогическое движение, становление и развитие системы образования в России.*

И если ставить Днепрора в исторический ряд министров народного просвещения отечества(а он там уже находится), я бы увидел его в ряду немногочисленных реформаторов, рядом с Головниным и графом Игнатьевым.

А вообще, по отношению к Днепрову-историку(впрочем, как и политику), я бы не делал поспешных заключений. Я поднимал разные его работы, и уже в ранних статьях 70-х, начала 80-х годов увидел корни и масштаб Днепрора не только как историка, а методолога. В книжке, отпечатанной ротопринтом, он ставил и показывал пути решения крупных, главных проблем истории педагогики и образования: анализа феномена общественно-педагогического движения(Днепров называл его «просветительным»), общего и особенного в историко-педагогическом процессе, раскрытия единства исторических судеб народов России и межнационального педагогического общения, перехода от персонифицированного рассмотрения истории педагогики к генетическому проблемному обобщению. Он впервые обратился не к разрозненным звеньям, а *системе* народного образования, в ее динамике и противоречиях, писал о сравнительных историко-педагогических исследованиях, когда об этом мало кто говорил, о России в мировом историко-педагогическом процессе...В его трудах соединялись фундаментальность и новаторство, и в тех ранних, и позднейших, когда он вернулся в историю образования после политической, реформаторской деятельности министра – тогда он ввел и фундаментально раскрыл в науке понятие «образовательной политики», открыл новые страницы истории образовательных реформ и контрреформ, российских и советских, ста-

линских, смысл которых передал емким определением Герцена: «душевредительство правительственного воспитания», «настойчивое стремление сломить отроческую душу». Вытравить все человеческое, чтобы сделать верноподанных по образу и подобию своему. Вывести «новый тип интеллигенции» - нет, людей не безвольных, напротив, как говорили в николаевские времена, - деятельных, особым образом «дисциплинированных», благонадежных, крепких охранительными убеждениями. Официальная законопослушная интеллигенция, верный страж существующего режима... Новый тип народа охранители создавать не пытались, напротив, их всецело устраивал «старый тип».

Не правда ли исторические размышления Днепровы о «новых людях», «старом народе» звучат как сегодня?

«История – это не отстранение от современности, «вещь в себе»... Она каждодневно пронизывает, держит под своим током современность, которая также каждодневно, переворачивая страницу своего календаря, становится частью истории. В истории лежат как корни кардинальных современных проблем, так и многие ключи к их решению»

Днепровы, как и всех нас не обошли контрреформы, псевдореформы, за которыми он пристально следил, будучи уже экс-министром, грустно констатируя: «...Время течет. И все

больше и дальше утекают гуманистически-демократические ценности начала 1990-х годов...»

Как историк и политик он глубже многих других понимал причины и просчеты. В своих позднейших трудах он вывел уроки школьных реформ, и от нас зависит, выучим ли мы их, или как всегда, пропустим мимо ушей. Про общественную поддержку и инициативу, про внутреннее многообразие, про саморазвитие...

«Четвертую реформу» Днепров привязал к созданному тогда новому Закону об образовании и датировал 1992 годом. Исторически это, наверное, оправданно(хотя она началась раньше, с середины 80-х, с уникальной в истории «школьной перестройки снизу», - и тогда надо было бы назвать имена В.Ф.Матвеева и С.Л.Соловейчика, и, конечно же, манифест учителей-новаторов «Педагогика сотрудничества», и одновременно с этим, свежий ветер и возможности, которые возникли с приходом старого нового человека, последнего министра образования СССР Г.А.Ягодина, без него – и его коллег – не было бы ни ВНИКа, ни прочего).

С того времени минула четверть века. Да, мы опять вляпались в историю. Но все же... Не кажется ли вам, что все, сколько-нибудь разумное и свободное в образовании пришло оттуда, из поры надежд?

Лет десять назад мой коллега, бывший сотрудник днепровского ВНИКа, сам потом министр, экономист Евгений Сабуров сказал мне: знаешь, мы тут писали национальный доклад, анализировали, получается, что отдача от образования в десять раз больше, чем затраты на него. Этого же ошеломляющий факт! Такого же у нас никогда не было!»

Если это так, то перед нами социально-экономические последствия образовательной реформы конца 80-х-начала 90-х годов, результат открывшейся когда-то свободы, реализации новых концепций и подходов к образованию и школе, отошедшие спустя двадцать с лишним лет подвижкой в общественных ценностях, которые отразили значимость образованного человека. Это необыкновенно важный вывод! Пускай мы по многим показателям экономики и политики съехали, Бог знает куда, но в образовании человека в обществе подвижки есть. И в этом немалая заслуга Эдуарда Днепровца.

Меня попросили написать о нем как о министре, историке, без мемуарной лирики. Но мы долгое время были коллегами, товарищами, и трудно отделить одно от другого.

Эдик был ужасно обаятельным человеком. В нем чувствовалась «белая кость», как именуют в армии флотских офицеров. Он красиво жил, красиво дарил цветы женщинам. Чего-чего, а таким ученым червем он никогда не был, хотя всю

жизнь вкалывал, как никто. «Знаешь, - как-то сказал он мне, - я в жизни два раза играл по-крупному». Один раз, будучи руководителем временного научно-исследовательского коллектива, вступил в предвыборную борьбу с партаппаратчиками, - и выиграл. А второй, - когда жизнь висела на волоске, требовалась срочная операция, а у него, уже российского министра, не было денег, и он, рассчитывая, что помогут, - сел на самолет и полетел в Америку.

Жизнь складывалась по-разному, одно время ему приходилось часто переезжать с квартиры на квартиру. И «вниковцы» помогали перетаскивать единственное в то время его достояние, - огромный, с дореволюционных времен стол с зеленым сукном, на котором Днепров писал свои исторические сочинения и проекты будущего. Когда-то я работал в архивах, исследуя разных министров, и на карточках личных дел все время наткнулся на имя научного сотрудника Э.Днепров, который изучал их раньше меня. Может быть, посмеивались позднее между собой соратники, он уже тогда думал стать министром?

Под занавес еще две его цитаты – одна общечеловеческая, на все времена, идущая от Пирогова, Ушинского и Толстого – его любимых персоналий, идеи которых считал основанием реформ. «Основная гуманистическая идея, - писал

Днепров о самой, на его взгляд фундаментальной реформе образования, - идея развития человека, очеловечивания образования, главной целью которой должно стать пробуждение и формирование личности ребенка».

А вторая цитата – для утешения сегодняшних нас с вами, для долготерпения, потому что история это вообще длинное дело, иногда и потерпеть нужно, не покладая рук, конечно.

Вот эта цитата Эдуарда Дмитриевича.

«Известно, что человек как тростник, может выдержать сильные бури. Да и в обществе, как бы ни пытаться его заблокировать, всегда остается воздух и, пусть в малой дозе и в «малых группах», самосознание, а значит – протест. Сопротивление. В разных его формах... Человек, общество, наука, культура, образование даже при этом режиме...вырабатывают и реализуют «тактику выживания»...которая со временем может стать и становится тактикой выживания(но уже в другом смысле), изживания режима, избавления от него»

Важно не сломиться, осознать себя, думаю я вслед за моим другом Эдуардом Дмитриевичем Днепровым, - в потоке Истории...